

Нефертити была величайшей царицей, богиней, заключенной в теле земной женщины. Она прошла долгий путь, полный боли, отчаянной борьбы и пламенной страсти. Совсем юной она стала супругой фараона Эхнатона, одного из самых загадочных правителей. Эхнатон был покорен чарами и умом Нефертити, желал подарить ей все сокровища Египта и весь мир. В руках юной Нефертити — сердце фараона. Но хватит ли ей сил удержать его? Ведь с первого дня ей пришлось вступить в соперничество со старшей женой Эхнатона — Кией. Какую цену придется заплатить за обретенную власть и могущество?..

МИШЕЛЬ
МОРАН

НЕФЕРТИТИ

МИШЕЛЬ МОРАН

НЕФЕРТИТИ

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-4968-4

9 786171 124968 4

MICHELLE MORAN

NEFERTITI

A NOVEL

THREE RIVERS PRESS
NEW YORK

МИШЕЛЬ МОРАН

НЕФЕРТИТИ

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2018 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111(73)
М79

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Печатается при содействии
“*Writers House LLC*” и “*Synopsis Literary Agency*”

Переведено по изданию:
Moran M. Nefertiti : A Novel / Michelle Moran. —
New York : Three Rivers Press, 2009. — 496 p.

Перевод с английского *Анатолия Михайлова*

Дизайн обложки агентства «ТИМ+»

ISBN 978-617-12-4968-4
ISBN 978-0-307-38174-3 (англ.)

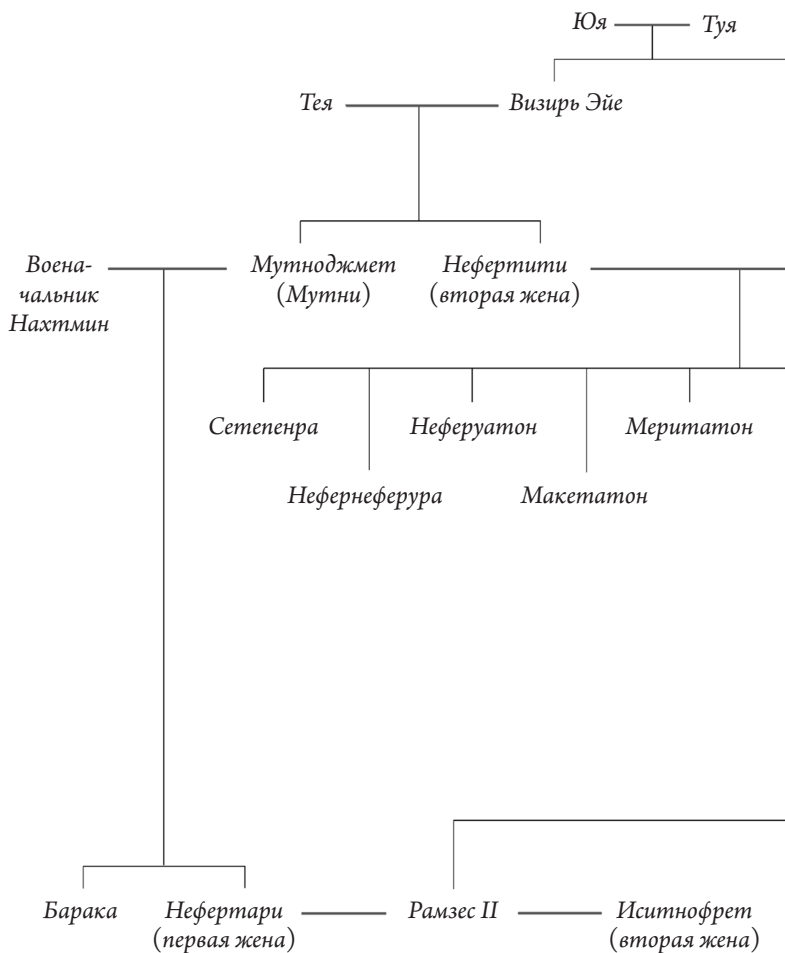
© Michelle Moran, 2009
© Nemiro Ltd, издание на рус-
ском языке, 2017
© Книжный Клуб «Клуб Се-
мейного Досуга», перевод
и художественное оформле-
ние, 2018

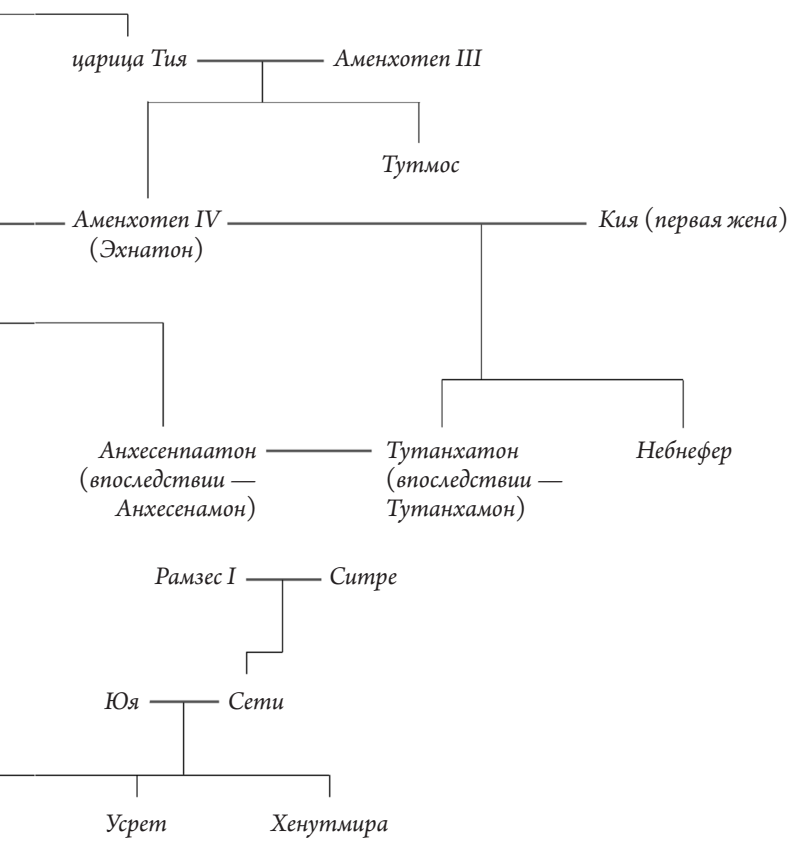
Посвящается моему отцу, Роберту Френсису Морану, который и привил мне любовь к языку и книгам. Ты ушел слишком рано, так и не увидев, как этот роман вышел в свет, но, по-моему, всегда знал, что так оно и будет. Спасибо тебе за это знание и твою блистательную жизнь, ставшую для меня настоящим источником вдохновения.

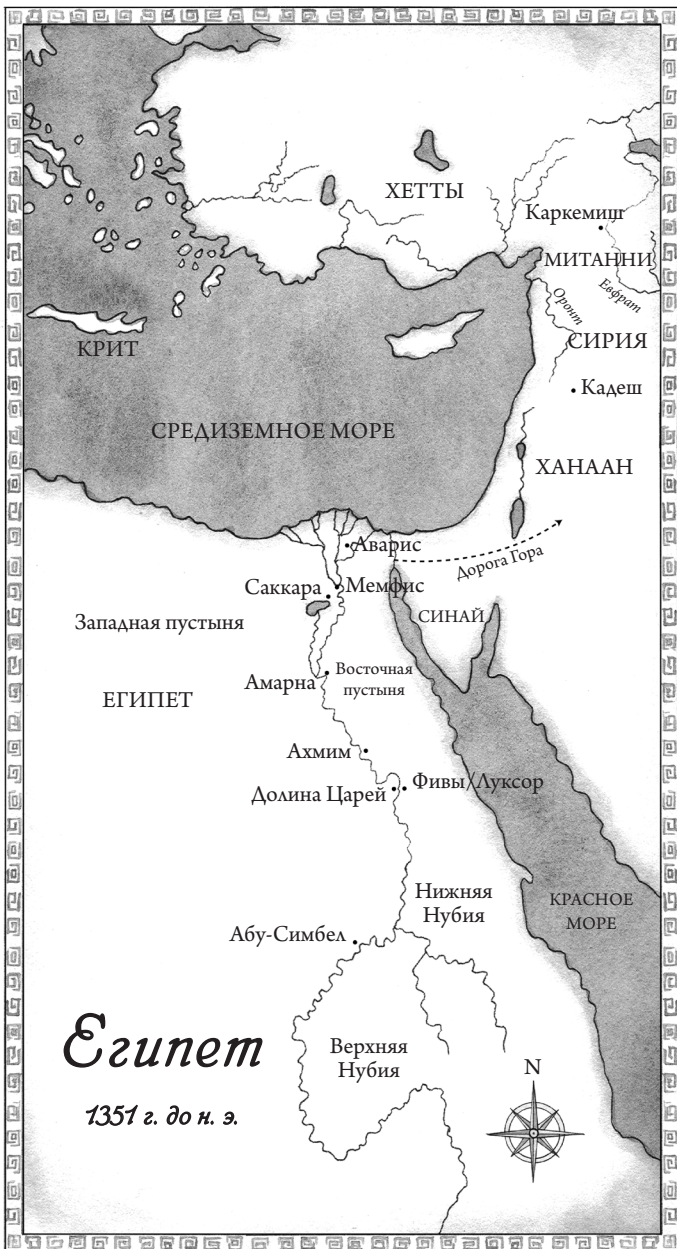
Назвать мертвых по имени — значит вернуть их к жизни.

Египетская пословица

Восемнадцатая династия

От автора

Для меня путешествие в древний мир Нефертити было долгим, и началось оно с посещения Старого музея в Берлине, где выставлен ее канонический бюст. Этот бюст и сам по себе обладает долгой и занимательной историей, которая длилась с момента его создания в городе Амарне вплоть до его прибытия в Германию, где он произвел фурор на первой же выставке в 1923 году.

Даже спустя три тысячи лет после своей смерти Нефертити своим очарованием ежегодно притягивает десятки тысяч посетителей. Вот и меня околдовали ее загадочная улыбка и волевой взгляд, лучащиеся сквозь стекло гробницы, и заставили гадать, кем же она была на самом деле и как стала столь выдающейся личностью в Древнем Египте.

Итак, перенесемся в 1351 год до н. э. Уже прославились великие фараоны Египта Хеопс, Яхмос и женщина-фараон Хатшепсут, тогда как Рамзесу и Клеопатре только предстоит появиться на свет. Самой же Нефертити исполнилось пятнадцать лет, ее младшей сестре — тринадцать, и весь Египет лежит у их ног.

Пролог

Если верить тому, что говорят визири, то Аменхотеп убил своего брата, чтобы получить корону Египта.

В третий месяц года и *ахет*^{*1} наследный принц Тутмос лежал в своих покоях во дворце Малката, расположенном неподалеку от Фив. Теплый ветерок лениво шевелил занавески, принося с собой из пустыни запахи душицы и мирры. С каждым его дуновением длинные льняные полотнища начинали свой танец, обвиваясь вокруг колонн дворца и ласково поглаживая плиты пола, расцвеченные солнечными узорами. Но вместо того чтобы мчаться сейчас во главе своих воинов на боевых колесницах навстречу победе, двадцатилетний принц Египта возлежал в опочивальне, водрузив свою раздавленную и отекающую правую ногу на подушки. Колесницу, которая опрокинулась, немедленно сожгли, но было уже поздно. Тутмоса терзала лихорадка, он был сильно истощен. Но пока бог смерти с головой шакала подползал все ближе, на другом конце комнаты в золотом кресле восседал Аменхотеп, бесстрастно глядя на то, как его старший брат сплевывает кроваво-красную мокроту, что, по мнению визирей, недвусмысленно указывало на приближение смерти.

Когда же Аменхотеп больше не смог выдерживать вида больного брата, он величавой поступью вышел из покоев на балкон, с которого открывался вид на Фивы. Скрестив руки поверх золотой пекторали на груди, он стал смотреть на крестьян,

¹ Здесь и далее каждое первое появление нового египетского термина выделено курсивом и помечено звездочкой. Толкование этих слов дано в глоссарии, размещенном в конце книги. Рекомендуем сразу же прочесть статью «Календарь» в глоссарии — это облегчит дальнейшее чтение. (Примеч. ред.)

которые, несмотря на удушающую полуденную жару, убрали полбу. Их тени скользили по стенам храмов Амона*, грандиозных сооружений, которыми его предки украсили эти земли. Он стоял над городом, размышляя о том послании, что призвало его из Мемфиса к постели брата. Солнце клонилось к горизонту, и ему стали являться видения его вероятного будущего. Аменхотеп Великий. Аменхотеп Строитель. Аменхотеп Великолепный. Он видел все это словно наяву, и, только когда на небосводе засияла луна, шлепанье сандалий по плитам пола заставило его обернуться.

— Твой брат зовет тебя к себе в опочивальню.

— Сейчас?

— Да, — произнесла царица Тия, повернулась к сыну спиной и поспешно вышла.

Аменхотеп последовал за нею в покои Тутмоса. Внутри собрались все сановники Египта.

Аменхотеп обвел взглядом комнату. Все собравшиеся здесь старички хранили верность его отцу и относились к Тутмосу с куда большей любовью, чем к нему самому.

— Вы можете идти, — провозгласил Аменхотеп, и оскорбленные визири в недоумении оборотились к царице.

— Вы можете идти, — повторила она. Но когда старики удалились, она резко бросила сыну: — Ты не смеешь обращаться с мудрейшими мужами Египта как с рабами!

— Они и есть рабы! Рабы жрецов Амона, у которых земель и золота больше, чем у нас. Если бы Тутмос дожил до коронации, то склонил бы голову перед жрецами, как и все фараоны до него...

Звук пощечины, которую отвесила сыну Тия, звонко разнесся по опочивальне.

— Не смей так говорить, пока твой брат еще жив!

Аменхотеп резко втянул в себя воздух, глядя, как мать подошла к Тутмосу.

Царица ласково провела ладонью по щеке принца. Ее любимец, который отличался мужеством как в битве, так и в мирной

жизни. Они были очень похожи — у обоих были светлые глаза, а волосы одинаково отливали золотом.

— Аменхотеп пришел повидать тебя, — прошептала она, и локон ее парика скользнул по лицу Тутмоса. Он, сделав над собой усилие, попытался сесть, и царица поспешила ему на помощь, но он взмахом руки остановил ее побуждение.

— Оставь нас. Мы побеседуем наедине.

Тя заколебалась в нерешительности.

— Все будет в порядке, — пообещал Тутмос.

Два принца Египта смотрели вослед своей матери, и лишь проводник умерших в загробный мир — шакалоголовый бог *Анубис** — достоверно знал, что случилось после того, как царица вышла. Многие сановники полагали, что в будущем, на судном дне Аменхотепа, когда Анубис положит на одну чашу весов его сердце, а на другую — символ Истины, перышко богини *Маат**, сердце Аменхотепа перевесит перышко. Они были уверены, что его сердце, символизирующее душу и совесть, отяжелело от злых дел, и что *Амат**, богиня возмездия с телом льва и головой крокодила, сожрет его, обрекая на вечное забвение. Но в чем бы ни заключалась правда, в ту ночь принц Тутмос умер и его место занял новый царевич.

Глава первая

1351 год до н. э.
Перет*, сезон роста

Когда закат над Фивами расплескал последние лучи заходящего солнца по известняковым скалам, мы двинулись нескончаемой процессией по песку. В извилистой колонне, петлявшей между холмами, первыми шли сановники Верхнего и Нижнего Египта, за ними следовали жрецы Амона, а замыкали траурное шествие сотни скорбящих. Песок в тени остывал быстро. Песчинки набились мне в сандалии между пальцами ног, а когда под мой тонкий льняной убор забирался ветер, я вздрагивала от холода. Выйдя из строя, я остановилась и посмотрела на саркофаг, который тянули буйволы, запряженные в салазки, что должно было показать людям Египта, сколь состоятелен и велик был наш принц Египта. Нефертити будет вне себя от зависти, оттого что пропустила такое зрелище.

«Я расскажу ей обо всем, когда вернусь домой, — подумала я. — Если только она не станет задаваться».

Бритоголовые жрецы вышагивали следом за нашей семьей, поскольку мы были главнее даже представителей богов. Благовоения, которые исходили из золотых шаров, которыми размахивали жрецы, навели меня на мысль об огромных жуках, отравлявших воздух повсюду, где бы они ни летали. Когда похоронная процессия достигла устья долины, грохот *систриумов** стих и плакальщицы умолкли. На всех утесах люди собрались целыми семьями, чтобы проводить принца в последний путь, и теперь они смотрели вниз на то, как верховный жрец Амона исполняет ритуал отвержения уст, дабы вернуть Тутмосу разум и восприятие в загробной жизни. Жрец был моложе сановников Египта, но несмотря на это,

все мужчины, включая моего отца, отступили на шаг, признавая верховенство за ним, когда он коснулся золотым *анком** губ фигуры, вырезанной на саркофаге, и провозгласил:

— Царственный сокол взлетел в небеса. Его место занял Аменхотеп Младший!

Меж утесов эхом взвыл ветер, и мне показалось, будто я слышала шорох соколиных крыльев, когда покойный принц освободился от оков своего тела и вознесся на небо. Отовсюду донеслось шарканье — это дети выглядывали из-за спин своих родителей, чтобы увидеть нового принца. Вытянула шею и я.

— Где же он? — прошептала я. — Где Аменхотеп Младший?

— В усыпальнице, — ответил мой отец.

Бритая наголо голова отца тускло отсвечивала в лучахходящего солнца, а в сгущающихся сумерках лицо его обрело ястребиные черты.

— Но разве он не хочет, чтобы люди увидели его? — спросила я.

— Нет, сенит. — Отец всегда называл меня ласково «сенит», малышка. — Не раньше, чем получит то, что было обещано его брату.

Я недоуменно нахмурилась:

— И что же это такое?

Отец стиснул зубы.

— Соправление, — ответил он.

После окончания церемонии солдаты выстроились в шеренгу, чтобы не дать простолюдинам последовать за нами в долину, и нашей небольшой группе пришлось продолжить путь без сопровождения толпы. Позади нас шумно дышали буйволы, влекущие по песку свой позолоченный груз. А вокруг на фоне темнеющего неба вздымались утесы.

— Нам придется подняться наверх, — предостерег нас отец, и мать слегка побледнела.

Мы с нею обе были как кошки — боялись мест, которых не понимали, например таких вот долин, за которыми из своих потайных комнат наблюдают спящие фараоны. Зато Нефертити,

подобно бесстрашному соколу, пересекла бы такую долину без остановки, как и наш отец.

Мы шли под несмолкаемый и зловещий бой систрумов, и я смотрела, как на моих позолоченных сандалиях отражаются лучи умирающего солнца. Когда мы поднялись на утесы, я остановилась, чтобы окинуть взглядом землю внизу.

— Не останавливайся, — предостерег меня отец. — Идем дальше.

И мы пошли дальше через холмы, пока быки с фырканием взбирались по камням. Теперь жрецы шли впереди, освещая нам путь факелами. Но вдруг верховный жрец заколебался, и я встревожилась, уж не заблудился ли он в ночи.

— Отвяжите саркофаг и распрягите буйволов, — распорядился он, и я увидела высеченный в скале вход в гробницу.

Детвора принялась переступать с ноги на ногу, перебирая четки и бусы, а женщины, позвякивая браслетами, обменялись беспокойными взглядами. А потом я увидела узкие ступени, уходящие вниз, под землю, и поняла, чего они испугались.

— Мне это не нравится, — прошептала мать.

Жрецы освободили буйволов от их тяжелой ноши и взвалили позолоченный саркофаг на плечи. Отец сжал мою ладошку, чтобы приободрить меня, и мы последовали за мертвым принцем в его покой, ступив во тьму, оставляя позади предзакатное солнце.

Осторожно, чтобы не поскользнуться на камнях, мы спустились в самое нутро земли, стараясь держаться поближе к жрецам и их факелам. В самой гробнице свет отбрасывал пляшущие тени на стены, изображения на которых повествовали о двадцати годах жизни Тутмоса в Египте: женщины танцевали, охотилась знать, а царица Тия подавала своему старшему сыну вино и корешки лотоса в меду. Ища поддержки, я крепко вцепилась в руку матери, и по тому, что она не отреагировала, я поняла, что она молится про себя Амону.

Воздух внизу стал сырым, и к нему добавился запах свежесжатым земли. В свете факелов появлялись и исчезали рисунки:

разрисованные желтым женщины и смеющиеся мужчины, дети, запускающие цветки лотоса по Нилу. Но самым страшным был синеликий бог подземного царства, держащий в руках хекет и нехеху (скипетр и цеп), символизирующие власть фараонов Египта.

— *Озирис**, — прошептала я, но меня никто не услышал.

Мы спускались все ниже, в самые потаенные уголки земли, а потом вошли в сводчатую комнату, и я восторженно ахнула. Здесь были собраны все земные сокровища принца: раскрашенные барки, золотые колесницы, сандалии, отороченные мехом леопарда. Пройдя через эту комнату, мы оказались у потайной двери самой дальней погребальной камеры. Тут отец наклонился ко мне и прошептал:

— Не забудь, о чем я тебе говорил.

В пустой комнате бок о бок стояли фараон со своей женой. Свет факелов выхватывал из темноты лишь неясные очертания их фигур и длинный саркофаг покойного принца. Я протянула руки в знак уважения, и моя тетя торжественно и строго кивнула мне, должно быть, вспомнив меня по временам своих нечастых визитов к нам в *Ахмим**. Мой отец никогда не брал нас с Нефертити с собой в Фивы. Он хотел, чтобы мы держались подальше от дворца с его интригами и бахвальством придворных. Но теперь в трепещущем свете факелов в гробнице я увидела, что царица всего Египта ничуть не изменилась за те шесть лет, что прошли с нашей последней встречи. Она оставалась все такой же маленькой и бледной. Когда я протянула к ней руки, она оценивающе посмотрела на меня своими светлыми глазами, и мне стало интересно, что она подумала о моей темной коже и необычно высоком росте. Я выпрямилась, и верховный жрец Амона раскрыл «Книгу мертвых» и принялся нараспев читать обращение к богам умирающих смертных:

— Пусть душа моя вернется ко мне, где бы она ни находилась. Найдите ее, Хранители небес. Пусть душа моя узрит мое тело и да упокоится она в моем мумифицированном теле, кое никогда не будет уничтожено и не сгинет без следа...

Я окинула гробницу взглядом в поисках Аменхотепа Младшего. Он стоял поодаль от саркофага и *погребальных урн**, которые должны были перенести внутренние органы Тутмоса в загробный мир. Царевич был выше меня и выглядел настоящим красавцем, несмотря на вьющиеся светлые волосы. Я подумала, а можем ли мы ожидать от него великих свершений и подвигов, ведь править должен был его брат? Аменхотеп придвинулся поближе к статуе богини *Мут**, и я вспомнила, что Тутмос всегда любил кошек. С ним должна была уйти и его любимая Та-Мяу, чья мумия лежала в отдельном миниатюрном золотом саркофаге. Я осторожно коснулась руки матери, и та обернулась ко мне.

— Они убили ее? — прошептала я, и она проследила за моим взглядом, устремленным на крошечный гробик рядом с саркофагом принца.

Мать покачала головой и, когда жрецы вновь принялись бить в сistrумы, ответила:

— Говорят, что после того, как наследный принц умер, она просто перестала есть.

Верховный жрец затынул «Песнь к душе», горькую жалобу Озирису и Анубису. Затем, захлопнув «Книгу мертвых», он провозгласил:

— Благословение внутренних органов!

Царица Тия сделала шаг вперед. Она опустилась на колени прямо в пыль и поочередно поцеловала каждую *канопу**. Ее примеру последовал фараон, и я увидела, как он резко обернулся, высматривая в темноте своего младшего сына.

— Подойди ко мне, — скомандовал он.

Но Аменхотеп Младший даже не шелохнулся.

— Подойди! — крикнул фараон, и голос его, стократно усилившийся, эхом прокатился по гробнице.

Все замерли, боясь дышать. Я оглянулась на отца, но он сурово покачал головой.

— А почему это я должен почтительно склоняться перед ним? — возмутился Аменхотеп Младший. — Он бы вручил Египет жрецам Амона, как делал каждый фараон до него!

Я оторопела и прикрыла рот рукой. На мгновение мне показалось, что вот сейчас фараон бросится к нему через погребальную камеру и убьет его. Но Аменхотеп Младший был последним из его оставшихся в живых сыновей, единственным законным наследником египетского престола, и люди ожидали, что он, как и все наследные принцы, достигшие семнадцатилетия, будет коронован в качестве соправителя. Отец его по старшинству останется фараоном Верхнего Египта и Фив, тогда как сам Аменхотеп Младший будет править Нижним Египтом из Мемфиса. Если умрет и этот сын, то отцовский род на этом прервется. Царица быстрым шагом подошла к сыну.

— Ты благословишь органы своего брата, — приказным тоном заявила она.

— Почему?

— Потому что он — принц Египта!

— Но ведь и я тоже! — вспыхнул Аменхотеп.

Королева Тия угрожающе прищурилась:

— Твой брат послужил этому царству, присоединившись к армии Египта. Он был верховным жрецом Амона, он был представлен богам.

Аменхотеп рассмеялся:

— Так ты любила его сильнее только потому, что он мог безнаказанно убивать тех, кого благословляя?

Царица Тия чуть не задохнулась от негодования:

— Ступай к своему отцу. Попроси его сделать из тебя воина. И тогда мы посмотрим, какой из тебя получится фараон.

Аменхотеп отвернулся и поспешно склонился перед фараоном в самый разгар похорон.

— Я стану воином, как мой брат, — поклялся он. Подол его белой накидки волочился по земле, и сановники неодобрительно покачали головами. — Мы с тобой вместе возвысим *Амона** над Амоном, — пообещал он. — Мы будем править так, как завещал нам твой отец.

Фараон оперся на свой посох, как будто он мог поддержать его угасающую жизнь.

— Я сделал ошибку, оставив тебя воспитываться в Мемфисе, — провозгласил он. — Ты должен был расти вместе со своим братом. Здесь. В Фивах.

Аменхотеп Младший быстро выпрямился и расправил плечи.

— Отец, у тебя остался я один. — Он протянул руку отцу, покорившему добрую дюжину стран. — Прими ее. Быть может, я — не воин, но я построю такое царство, которое будет существовать вечно.

Когда же всем стало ясно, что фараон не примет руку сына, мой отец шагнул вперед, дабы избавить принца от замешательства.

— Давайте похороним вашего брата, — негромко предложил он.

Аменхотеп Младший пронзил своего отца взглядом, от которого стало бы не по себе и самому Анубису.

* * *

И только когда мы переправлялись на другой берег Нила и плеск воды за бортом заглушил наши голоса, те, кто присутствовал на похоронах, осмелились заговорить.

— Он слаб и неуравновешен, — провозгласил мой отец на обратном пути в Ахмим. — Вот уже три поколения наша семья доставляет женщин фараонам Египта. Но этому мужчине я не отдам ни одну из своих дочерей.

Я плотнее укуталась в шерстяную накидку. Он имел в виду не меня, а мою сестру Нефертити.

— Если Аменхотеп станет соправителем своего отца, ему понадобится старшая жена, — заметила моя мать. — И это будет или Нефертити, или Кия. А если ею станет Кия...

Она не договорила, но всем нам и так было ясно, что она имеет в виду. Если это будет Кия, то влияние визиря Панахеси в Египте резко возрастет. Ведь сделать дочь Панахеси царицей будет очень легко и логично: Кия уже и так была замужем за Аменхотепом, да еще и находилась на третьем месяце беремен-

ности. Но если она станет старшей женой, то нашей семье придется склониться перед Панахеси, а это было невысказано.

Отец поерзал на подушке, устраиваясь поудобнее, и задумался, пока слуги послушно гребли на север.

— Нефертити уже пообещали, что она станет женой царя, — добавила мать. — Ты сам говорил ей об этом.

— Тогда Тутмос был еще жив! Тогда у нас была стабильность и все выглядело так, что Египтом будет править... — Отец закрыл глаза.

Я смотрела, как над лодкой встает луна, и через какое-то время сочла, что уже можно задать вопрос:

— Отец, кто такой Атон?

Он открыл глаза.

— Солнце, — ответил он, глядя на мать.

Они словно бы разговаривали мысленно, без слов.

— Но ведь Амон-Ра* — бог солнца.

— А Атон и есть солнце, — проворчал он.

Но я все равно ничего не понимала.

— Но почему же тогда Аменхотеп хочет построить храмы в честь бога солнца, о котором никто не слышал?

— Потому что если он построит храмы в честь Атона, то в жрецах Амона не будет нужды.

Я пришла в ужас:

— Он хочет избавиться от них?

— Да, — кивнул отец, — и пойти против всех законов Маат.

От неожиданности я едва не поперхнулась. Никто не смел выступить против богини истины и справедливости.

— Но почему?

— Потому что наследный принц слаб, — пояснил отец. — Потому что он слаб и ничтожен, а ты должна научиться распознавать мужчин, которые боятся тех, кто обладает властью, Мутноджмет.

Мать метнула на него острый взгляд. Сказанное только что отцом было самым настоящим бунтом, но за плеском весел его никто не мог расслышать.

* * *

Нефертити уже ждала нас. Она еще не до конца оправилась от лихорадки, но уже вышла в сад, где и прилегла у бассейна с лотосами, и на коже ее изящных рук переливался лунный свет. Едва завидев нас, она встала, и я ощутила нечто вроде торжества оттого, что видела похороны принца, в то время как она оказалась слишком больна, чтобы присутствовать на них. Но чувство вины тут же заглушило эту недостойную радость, когда я заметила, с какой тоской она смотрит на нас.

— Ну, как все прошло?

Я-то рассчитывала, что каждое слово придется вытягивать из меня клещами, но поняла, что не смогу быть такой же жестокой, какой нередко бывала она.

— Просто великолепно, — тут же выпалила я. — А саркофаг...

— Кто разрешил тебе встать с кровати? — принялась бранить ее мать.

Впрочем, она приходилась Нефертити мачехой, а родной матерью была только мне. Настоящая мать Нефертити умерла, когда той исполнилось всего два годика; она была принцессой из *Митанни*^{*}, первой женой моего отца. Именно она дала Нефертити имя, что означало «Красавица, пришедшая в мир». Хотя мы и были сестрами, между нами не было ничего общего: Нефертити была невысокой и бронзовокожей, с черными волосами и темными глазами, а под скулы ее можно было подставлять ладони, тогда как я уродилась смуглой, с узким и абсолютно непримечательным личиком. После рождения мать даже не стала давать мне имя, которое говорило бы о красоте. Она назвала меня Мутноджмет, что означает «Славное дитя богини Мут».

— Нефертити должна лежать в постели, — сказал отец, — ей нездоровится.

И, хотя ему полагалось бы упрекнуть мою сестру, обращая он почему-то ко мне.

— Со мной все будет в порядке, — пообещала Нефертити. — Смотри, мне уже лучше.

Она улыбнулась ему, и я обернулась, чтобы посмотреть на его реакцию. Как и всегда, он смягчился от одного взгляда на свою старшую дочь.

— Тем не менее, — вставила мать, — совсем недавно ты металась в лихорадке и потому немедленно вернешься в постель.

Нас увели внутрь, но, когда мы уже улеглись на тростниковые тюфяки, Нефертити повернулась ко мне, и ее профиль резко обозначился в лунном свете.

— И все-таки... как там было?

— Страшновато, — призналась я. — Гробница была огромной. И темной.

— А люди? Людей собралось много?

— Пожалуй, несколько сотен. Может, даже тысяч.

Нефертити вздохнула. Ведь она упустила такую возможность покрасоваться.

— А новый наследный принц?

Я заколебалась:

— Он...

Нефертити села и кивнула, давая мне знак продолжать.

— Он — странный, — прошептала я.

В свете луны глаза Нефертити заблестели.

— Что ты имеешь в виду?

— Он одержим Атоном.

— Кем?

— Символом солнца, — пояснила я. — Как можно почитать символ солнца, а не Амона-Ра, который повелевает им?

Нефертити немного помолчала.

— И все?

— А еще он высок ростом.

— Ну, он не может быть намного выше тебя.

Я пропустила ее шпильку мимо ушей.

— Он намного выше. На две головы выше отца.

Она подтянула колени к груди, обхватила их руками и ответила:

— Тогда это должно быть интересно.

Я нахмурилась:

— Что именно?

Но сестра не ответила.

— Что же здесь может быть интересного? — повторила я.

— Замужество, — небрежно отозвалась она, легла на спину и укрылась покрывалом. — Теперь, когда до коронации осталось совсем немного, Аменхотеп должен будет выбрать старшую жену, так почему бы мне не стать ею?

Почему бы Нефертити не стать ею? Она красива, образована, да еще и дочь принцессы Митанни. Я ощутила острый укол зависти, к которой, впрочем, примешивался страх. Мне еще не доводилось жить одной, без Нефертити.

— Разумеется, ты поедешь со мной, — зевая, обронила она. — До тех пор пока не настанет время тебе самой выходить замуж, ты будешь моей старшей придворной дамой.

— Мать не позволит мне одной отправиться во дворец.

— А ты будешь не одна. Она тоже поедет с нами.

— Во дворец! — воскликнула я.

— Мутни, когда ты становишься старшей женой, твоя семья едет с тобой. Наш отец — великий визирь этой страны. Наша тетья — царица. Разве кто-нибудь посмеет сказать «нет»?

* * *

Посреди ночи у нашей комнаты задержалась чья-то длинная тень, а потом вошла служанка и подняла лампу над головой Нефертити. Яркий свет разбудил меня, и, проснувшись, я увидела профиль сестры, безупречный даже во сне.

— Госпожа? — окликнула ее наша служанка, но Нефертити даже не пошевелилась. — Госпожа! — громче повторила та и взглянула на меня. Я растолкала Нефертити. — Госпожа, ваш отец, визирь Эйе, желает поговорить с вами.

Я быстро села на постели:

— Что-нибудь случилось?

Нефертити не проронила ни слова. Накинув платье, она сняла со стены масляную лампу и прикрыла трепещущее пламя ладонью.

— Что происходит? — спросила я, но она не ответила, и дверь с тихим шорохом закрылась за нею. Я стала ждать возвращения сестры, и к тому времени, как она пришла обратно, луна уже превратилась в тусклый диск, едва заметный на небе.

— Где ты была? — я с трудом вновь уселась на постели.

— Со мной пожелал поговорить отец.

— Наедине? — не поверила я. — Да еще ночью?

— А когда еще спят все эти пронырливые и любопытные слуги?

И тогда я все поняла.

— Он не хочет, чтобы ты выходила замуж за Аменхотепа, — сказала я.

Нефертити повела плечами, изображая застенчивость:

— Я не боюсь Кии.

— Думаю, его тревожит визирь Панахеси.

— Я хочу стать старшей женой, Мутноджмет. Я хочу быть царицей Египта так же, как моя бабка была царицей Митанни.

Она уселась на свой тюфяк, и мы погрузились в молчание, озаряемые лишь светом лампы, которую она принесла с собой.

— А что сказал отец?

Нефертити вновь передернула плечами.

— Он рассказывал тебе о том, что случилось в гробнице?

— Царевич отказался целовать канопы. Ну и что? — пренебрежительно отмахнулась сестра. — Какое это имеет значение, если в результате я сяду на трон *Гора**? Аменхотеп станет фараоном Египта, — добавила она таким тоном, словно это все объясняло. — И отец уже дал свое согласие.

— Он сказал «да»? — Я отбросила льняное покрывало. — Но он не мог дать своего согласия. Он сам сказал, что принц неуравновешен. И поклялся, что никогда не отдаст свою дочь за такого человека!

— Значит, он передумал. — В трепетном свете свечи я увидела, как сестра легла на тюфяк и укрылась покрывалом. — Ты не принесешь мне сока из кухни? — попросила она.

— Сейчас ночь, — огрызнулась я, даже не дав себе труда скрыть свое неодобрение.

— Я больна, — напомнила она. — У меня лихорадка.
Я заколебалась.

— Пожалуйста, Мутни. Прошу тебя!

Ладно, схожу, но только потому, что у нее лихорадка.

* * *

На следующее утро наши учителя закончили уроки раньше. У Нефертити не осталось ни малейших следов болезни.

— Но мы не должны утомлять ее, — заявил отец.

Однако мать не согласилась:

— Она должна усвоить эти уроки, если в скором времени собирается выйти замуж. Она должна научиться всему, чему только можно.

Моя мать, которая, в отличие от первой жены отца, не воспитывалась в среде знати, понимала важность хорошего образования — будучи дочерью простого деревенского жреца, она самостоятельно пробивала себе дорогу в будущее.

Но отец только развел руками:

— Чему же еще ей нужно учиться? Она превосходно владеет чужеземными языками, а писать умеет лучше дворцового писца.

— Зато в целебных травах она разбирается хуже Мутни, — возразила мать.

Я с гордостью вздернула подбородок, но отец ограничился тем, что ответил:

— Это — дар Мутноджмет. Нефертити обладает другими талантами.

Мы дружно взглянули на мою сестру, ставшую центром всеобщего внимания, которая сидела в облегающем коротком белом платье, болтая ногами в пруду с лотосами. Ранофер, сын местного врачевателя, принес ей цветы, букет белых лилий, перевязанный гибкой лозой. Он считался моим учителем, обучающим меня премудростям врачевания и трав, но куда чаще он попросту пиялся на мою сестру.

— Нефертити умеет очаровывать людей, — с одобрением заметил отец, — а тех, кто не поддается ее чарам, она легко

может перехитрить. Для чего ей знание трав и медицины, если она желает повелевать людьми?

Мать нахмурилась:

— Если на то будет воля царицы.

— Царица — моя сестра, — просто сказал отец. — Она одобрит Нефертити в качестве старшей жены.

Но я заметила в его глазах тревогу. Наследный принц, осквернивший погребальную камеру своего брата, мужчина, не умеющий владеть своими эмоциями? Какой из него получится фараон? И какой муж?

Мы стояли и во все глаза смотрели на Нефертити, пока она не заметила наших взглядов. Она поманила меня пальцем. Я подошла к пруду, у которого смеялись вдвоем моя сестра и мой наставник.

— Добрый день, Мутноджмет.

Ранофер улыбнулся мне, и на миг я даже забыла, что хотела сказать ему.

— Сегодня я испробовала алоэ, — выдавила я наконец. — Оно исцелило ожоги нашего слуги.

— В самом деле? — Ранофер выпрямился и сел. — Что еще?

— Я смешала его с лавандой, и опухоль уменьшилась.

Его улыбка, адресованная мне, стала шире.

— Вы превзошли своего учителя, госпожа.

Я улыбнулась в ответ, гордясь своими достижениями:

— А теперь я хочу попробовать...

— Поболтать о чем-нибудь действительно интересном? —

Нефертити вздохнула и откинулась назад, опираясь на руки и подставляя лицо солнечным лучам. — Лучше скажи мне, о чем только что говорил отец?

— Прямо сейчас? — спросила я, покраснев, так как врунья из меня निकудышная.

— Да. Пока вы стояли вон там и подглядывали за мной.

— Он говорил о твоём будущем.

Она села, и кончики ее черных волос ореолом окутали ее лицо.

— И?..

Я помолчала, раздумывая, стоит ли продолжать. Она терпеливо ждала.

— К нам может приехать царица, — сообщила я наконец. Улыбка Ранофера моментально увяла.

— Но если она приедет, — он повысил голос, — то вы покинете Ахмим!

Нефертити с досадой посмотрела на меня поверх головы Ранофера.

— Не волнуйся, — небрежно пообещала она. — От этого ничего не изменится.

Они обменялись взглядами, потом Ранофер взял ее за руку и оба встали.

— Куда это вы собрались? — вскричала я, но Нефертити не ответила, и тогда я окликнула своего наставника: — А как же наш урок?

— Чуть позже. — Он улыбнулся, не сводя, правда, при этом глаз с моей сестры.

* * *

Вскоре стало известно, что царица намерена посетить наше поместье в Ахмиме. Именно об этом тайком молилась Нефертити в нашем семейном храме, принося чаши с нашим лучшим медовым вином к ногам Амона и обещаая всякие глупости, если только он пришлет царицу в наш город. И теперь, когда Амон, судя по всему, выполнил ее просьбу, Нефертити в своем ликовании стала просто невыносима. В то время как сестра прихорашивалась, мать совсем сбилась с ног, наводя порядок в доме, и от нее одинаково доставалось и рабам, и слугам.

— Мутни, проверь, чтобы полотенца были чистыми. Нефертити, займись чашами, пожалуйста. Посмотри, чтобы слуги вымыли их. Причем все до единой.

Слуги смахивали пыль с отделанных бахромой настенных ковров, а мать занялась расстановкой наших лучших, украшенных инкрустациями кресел в Зале приемов, куда царица должна была

Літературно-художнє видання

МОРАН Мішель

Нефертігі

Роман

(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *І. А. Кірютська*
Художній редактор *В. О. Трубчанинов*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 01.08.2018. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Агпо Рго». Ум. друк. арк. 29,4. Наклад 4000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля», Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а, E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, м. Харків, вул. Різдва, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

МОРАН Мишель

Нефертиги

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *И. А. Кирьятская*
Художественный редактор *В. А. Трубчанинов*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 01.08.2018. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Агпо Рго». Усл. печ. л. 29,4. Тираж 4000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а, E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Нефертити була найвеличнішою царицею, богинею, ув'язненою в тілі земної жінки. Вона пододала довгий шлях, сповнений болю, відчайдушної боротьби і полум'яної пристрасті. Зовсім юною стала дружиною фараона Ехнатона, одного з найзагадковіших правителів. Ехнатон був підкорений чарами і розумом Нефертиті, бажав подарувати їй усі скарби Єгипту і весь світ. У руках юної Нефертиті — серце фараона. Але чи стане їй сил утримати його? Оскільки з першого дня їй довелося вступити в суперництво зі старшою дружиною Ехнатона — Кією. Яку ціну доведеться заплатити за здобуту владу і могутність?..

Моран М.

M79 Нефертити : роман / Мишель Моран ; пер. с англ. А. Михайлова. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 560 с.

ISBN 978-617-12-4968-4

ISBN 978-0-307-38174-3 (англ.)

Нефертити была величайшей царицей, богиней, заключенной в теле земной женщины. Она прошла долгий путь, полный боли, отчаянной борьбы и пламенной страсти. Совсем юной она стала супругой фараона Эхнатона, одного из самых загадочных правителей. Эхнатон был покорен чарами и умом Нефертити, желал подарить ей все сокровища Египта и весь мир. В руках юной Нефертити — сердце фараона. Но хватит ли ей сил удержать его? Ведь с первого дня ей пришлось вступить в соперничество со старшей женой Эхнатона — Кией. Какую цену придется заплатить за обретенную власть и могущество?..

УДК 821.111 (73)